

ШПИЛЬКИ¹⁴

Сказание об Исаакии витязе

«Итак, за кем же пойдёт
русская интеллигенция?»
(из газетной передовицы)

Скакал Исаакий сквозь тьму и туман.
Богато одет он и важен.
Был конь под ним чёрен, как сам Крушеван¹⁵,
Как сам Пуришкевич,¹⁶ — отважен.
Несутся конь с витязем ночи и дни,
Споткнутся и мчатся сугубо,
И вот, наконец, подъезжают они
Ко пнищу столетнего дуба.
От этого пнища, средь голых полян,
Легли три большие дороги.
Затпрукал наш витязь и вмиг из стремян
На резвые вскакивал ноги.
На пнище прибита большая доска,
Покрытая илом и грязью,
И чья-то на ней начертала рука
Узорной славянской вязью:
«Коль скоро налево пойдёшь, молодец,
По самой кремнистой дороге,
Обрящешь колючий терновый венец
И звонкие кольца на ноги.
Трудна та дорога и муки полна,
Найдёшь на ней радости мало,
И только на кончике самом видна
Златая заря идеала.
А если средней дорогой пойдёшь,
Иную судьбу испытаешь:
Хорошего мало на ней ты найдёшь
И мало на ней потеряешь.
В огромное царство она приведёт,
Где правит Царица Рутина!
В том царстве обрящешь довольство, почёт
И сытый покой мещанина.
Послушай же, витязь, мой добрый совет:
Смелее пускайся по правой.
И будешь не только обут и одет,
Но также вернёшься со славой,
Научишься светлые грёзы глушить,
Идти против правды и света
И будешь в сердцах православных ты жить
На многие, многие лета!»

Опешил наш витязь, когда прочитал
Такие с доски наставленья
И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленья?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться? решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток... сто... двести...
А он на распутье, как прежде, стоит,
И топчется, бедный на месте.

Сколько их!..

(Из тюремных мотивов)

Окружённый цепью палей¹⁷,
Неприступен и высок,
Предо мною дом печалей —
Грозный высится острог.
С визгом двери расперлися,
Взвыли цепи на ногах.
«Вы откуда собралися,
Люди в серых армяках?»¹⁸
«Я оттуда, где когда-то
Раздалось на белый свет,
Что “земля у нас богата,
Только в ней порядка нет”¹⁹.
Но теперь — теперь порядок,
А богатства — ни-ни-ни!
Тот порядок хоть не сладок,
Но начальства не вини».

¹⁴ Печатается по книге: Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. — Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.

¹⁵ Крушеван Павел Александрович (1860-1909) — журналист, прозаик, публицист праворадикального толка, известный как активный черносотенец, депутат II Государственной думы. — Здесь и далее примечания публикатора.

¹⁶ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870-1920) — политический деятель ультраправого толка, монархист, черносотенец, один из лидеров организации «Союз русского народа», создатель «Союза русского народа имени Михаила Архангела», депутат II, III и IV Государственной думы.

¹⁷ Цепью палей — то же, что палов (от «паль» — устаревшей формы слова «пал»), то есть цепью выжженных мест.
¹⁸ Армяк — верхняя долгополая распашная одежда из домашнего сукна, которую носили в прошлом русские крестьяне. Ко времени создания произведения Ф. Чудакова (1909) образ человека в сером армяке воспринимался культурным читателем как реминисценция, за которой тянется шлейф узнаваемых литературных ассоциаций. См., например, стихотворение А. Блока «Барка жизни встала...» (1904): «Песни и тревога / На пустой реке. / Входит кто-то сильный / В сером армяке».

¹⁹ Неточная цитата из сатирической поэмы А.К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868): «Послушайте, ребята, / Что вам расскажет дед. / Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет...»

– «Я простой рабочий сельский
Из баронских батраков.
Там, где Меллер-Закомельский²⁰,
Я оставил отчий кров!»

– «Я из рижского музея
С божьей помощью утёк.
У меня свихнута шея
И исчезли ступни ног!»

– «Генерала Толмачёва
Верноподданным я был!»²¹
– «Я у князя Горчакова
Задом подати платил!»²²

– «Я Думбадзии счастливой
Горемычный гражданин!»²³
– «Я угрюмый, молчаливый,
Гельсингфорса вольный сын!»²⁴

– «Я – дитя крамольной Польши!»
– «Я – полтавский малорусс!»

– «Я оттоль, где гор всех больше
Седовласый Эльборус!»²⁵

«Я из Пензы толстопятой!»²⁶
«Я пермяк – сосновый лоб!»²⁷
«Я на шутки тароватый»²⁸
Ярославский водохлёб»²⁹.

– «Я рязанский толоконник!»³⁰
– «Я – суздальский богомаз!»³¹
– «Пошехонский балахонник»³²,
Я – коров на бане пас!»

– «Я – таёжный медвежатник,
Енисейский гробовоз!»
– «Я тамбовский саламатник!»³³
«Я – амурский спиртонос!»

Чёрт возьми, да разве можно
Всех запомнить, записать!
Трудно прать противу рожна,
Но трудней «шпану» считать.

²⁰ Очевидно, имеется в виду Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844-?) – барон, генерал от инфантерии, с 1904 г. – командующий корпусом. Во время первой русской революции участвовал в подавлении восстания матросов в Севастополе (1905), возглавлял карательную экспедицию на Транссибирской железной дороге. В 1906-1909 гг., занимая должность временного генерал-губернатора Прибалтийского края, принимал жёсткие меры в борьбе с революционным движением. С 1918 г. в эмиграции.

²¹ Толмачёв Иван Николаевич (1863 – после 1929) – генерал-лейтенант. В годы первой русской революции, являясь начальником экспедиционного отряда, отличился решительной борьбой с революционными организациями в Кутаисской губернии. В декабре 1907 г. по личному настоянию премьер-министра П.А. Столыпина был назначен одесским градоначальником. В этой должности покровительствовал правомонархическим организациям города. По словам С.Ю. Витте, премьер-министра в 1903-1906 годы, политика Толмачёва, «с особенной силой преследовавшего евреев», вызывала к нему ненависть левых и либералов. Вслед за убийством Столыпина (1911) Толмачёв был отправлен в отставку. После революции эмигрировал из России.

²² Горчаков Сергей Дмитриевич (1861-1927) – князь, известный государственный деятель. В июне 1906 года был назначен вятским губернатором. На этом посту проявил твёрдость и решительность, особенно при подавлении революционных выступлений. А это, в свою очередь, не могло не вызвать к нему неприязни со стороны либеральной интеллигенции. В 1907 году на губернатора покушался бывший гимназист И.М. Левитский. В 1909 году Горчаков был назначен калужским губернатором и пробыл в этой должности шесть лет.

²³ Под Думбадзией автор стихотворения подразумевает Ялту, градоначальником которой с 1906 года был полковник Иван Антонович Думбадзе – русский офицер, грузин по национальности. См. о нём выше, в статье, предваряющей данную подборку произведений Ф. Чудакова.

²⁴ Гельсингфорс – шведское название Хельсинки, столицы Финляндии, в то время входившей в состав Российской империи.

²⁵ Эльборус – то есть Эльбрус, гора на Кавказе, на границе Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, самая высокая горная вершина России.

²⁶ В старину жителей почти каждого региона России соседи награждали меткими прозвищами, определявшими некую общую особенность населения. Так, торговавшие в основном лаптями пензяки получили прозвище «толстопятые» – из-за того, что лапти у них были не такие, как у прочих, а с особой, двойной пяткой и потому очень удобные в носке и долговечные.

²⁷ Вообще-то широкое распространение и всероссийскую известность получило иное шутовское прозвище коми-пермяков: «пермяк – солёны уши». Нужда заставляла пермяков ходить лесными тропами за две-три сотни километров к соляным заводам, что были расположены на реке Каме в районе города Соликамска, чтобы там закупать соль на целый год для всей семьи. Закинув за плечи мешок с солью, пермяк пешком возвращался обратно. За время долгого пути соляная пыль от мешка оседала у него на ушах. Отсюда, по преданию, и пошло название «пермяк – солёны уши».

²⁸ Тароватый – щедрый, расточительный.

²⁹ Шутовое выражение «ярославский водохлёб» появилось из-за особого пристрастия жителей Ярославля к чаепитию. Доступность воды хорошего качества из Волги и её притоков, зажиточность горожан сделали обильное чаепитие у самовара с баранками и пряниками традицией каждой семьи – от купцов до простых крестьян и ремесленников.

³⁰ Толоконник – любитель *толокна*, овсяной муки, употребляемой крестьянами в пищу с водой или молоком.

³¹ Богомаз – неискусный иконописец. Именно к суздальским богомазам принято относить известную поговорку об иконах: «Годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

³² Балахонник – тот, кто носит балахон; бедный крестьянин (обычно с оттенком пренебрежительности). Пошехонье – небольшой город, административный центр Пошехонского района Ярославской области. В широком смысле, Пошехонье – местность по реке Шексне (прежде – Шехоне).

³³ Саламатник – любитель *саламаты*, то есть жидкой каши из муки с маслом или салом.

Ты скажи, каких губерний
Представителей здесь нет? –
Но... сгустился мрак вечерний
И – не слышен был ответ.

Эстеты

По заключению городского врача Т. перелом носа
и оторвание ушной раковины у потерпевшей ввиду со-
циального её положения (крестьянка) нельзя признать
безобразными её лицо.

*(Из обвинительного акта по делу об истязании
кр. Ив-ой свекровью и мужем)*

В наш век правды и гуманности,
Торжества святых идей,
Удивительные странности
Мы встречали у людей.

Если личико смазливое
Милой барыньки – о, стыд!
Бородавка некрасивая,
Вдруг вскочивши, осквернит, –

Мы кричим: Природа дерзкая!
Как ты смела сей алмаз
Бородавкой этой мерзкою
Осквернить хотя на час!

Гей, на помощь парфюмерия!
Медицина! Марш сюда!
Уничтожь сию «материю»,
Чтобы не было следа!

Увенчались старания...
Мы ликуем без конца:
Вновь прекрасное создание
Услаждает нам сердца!

Ну, а если злообычная
Баба – дикая свекровь,
Над невесткой горемычною
Издеваясь, «пустит кровь»,

Вырвет ухо, вырвет волосы,
Переломит палкой нос
И кнутом ременным полосы
Нанесёт, куда пришлось.

Мы смеёмся: «Вот умора-то!
Полюбуйтесь, господа:
Рожа надвое распорота,
И от уха нет следа!

Тут увидеть преступленье
Могут только простаки:
Ведь в крестьянском положении
Это, право, пустяки!

Говорят, что безобразие,
Что она теперь глуха!
Ну, и что же? Вот оказия!
Ловко, право, ха-ха-ха!»

Гоголевский юбилей

Есть у русских обычай прекрасный:
Если в ком искра Божья горит,
Кто о нашей рутине ужасной
И невежестве сердцем болит,
Кто страдает за наши пороки,
К идеалу святому ведёт,
И горчайшие сыплет упрёки
Всем, кто в пропасть толкает народ, –
Мы того отвратительно травим,
Гоним в ссылку, в могилу, в тюрьму,
А по смерти торжественно ставим
Мавзолей из гранита ему.
Нашей русской натуре богатой
На теченье веков наплевать.
Мы стараемся, хоть поздновато,
Мертвецу по заслугам воздать.
И горят юбилейные площадки...
С умиленным, елейным лицом,
Наподобье ошпаренной кошки,
Мы хвалебные гимны поём.
Сливки общества (жирные сливки)
«Младших братьев» любезно зовут
И читают умильно «отрывки»,
И умильные речи ведут.
Раздают пятаковые книжки,
Безвозмездно портреты дарят,
В промежутке зевка и отрывки
«На-ка, вот почитай!» говорят.
Всё, что выше простого понятия,
Им стараются растолковать.
Ухмыляются младшие братья,
Ухмыляются: как не понять!
И когда, получивши подарки,
По нетопленным хатам идут –
Мастерят из брошюрок сигарки,
А портрет на божницу кладут.

Вы в восторге от вашей комедии!
Да и как не куражиться вам:
Вы искусств вековое наследие
Разделили и тёмным умам.
Манной кашкой кривляния скучного
Вы помазали алчущий рот
Тем, кто хочет лишь хлеба насущного,
А для вас пироги отдаёт.
Вы хвалиться торжественно станете,
Что исполнили долг пред страной.
Но, скажите, кого вы обманете
Этой жалкой, ненужной игрой?
Эту вашу шумиху уродскую
Понимает рабочий и в ней
Видит только затею господскую
И затрату ненужных рублей.

Ждёте вы, что на шею повесится
Вам рабочий за этот трезвон?
Нет: «От жиру... мы знаем, кто бесится»,
Рассуждает скептически он.
«Красноречья не надо елейного!
Для чего огород городить,
Коль, придя с торжества юбилейного,
Мы не знаем, чем брюхо набить!»

Светлана

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
Крепко-крепко на крючок
Двери запирали.
На валета да туза,
Широко раскрыв глаза,
Взглядывали в страхе...
За окошком ветер выл,
И урядник проходил
В бурке и папахе.

Светит бледная луна
В сумраке тумана.
Молчалива и грустна
Милая Светлана.

Смех подружек, их задор,
Их трескучий разговор
Не милы Светлане.
Ей веселье в ум нейдёт:
Милый друг её живёт
В диком Турухане.

Что, красавица, с тобой?
Вымолви «словечко»,
И от милого с зарёй
Будешь недалечко!
Пой, красавица: «Кузнец!
Скуй браслетку в шесть колец,
Крепкую, стальную!
В той браслетке дорогой
Поведёт меня конвой
Прямо к Акатую!»

Вот под пение подруг
Снится сон Светлане:
На почтовой тройке вдруг
Прикатали сани.
И откуда ни возьмись,
Милый друг её явись
В армяке острожном.
Потихоньку подошёл,
Взял за ручку и повёл
Шагом осторожным.

Сели в сани, и взвилась
Удалая тройка!
Словно вихорь понеслась
Дико, рьяно, бойко.

Только гул шёл от саней,
Только ветер меж ушей
Заунывно плакал,
Да ямщик на облучке,
Подскочив на бугорке,
Вдохновенно крикал.

Через реки и поля,
Через буераки,
Мчались, душу веселя,
Добрые коняки.
Час ли, год ли промелькнул,
Неизвестно... Только гул
Слышался Светлане.
И у низенькой юрты,
Средь кромешной темноты,
Осадили сани.

Из саней Светлана – скок!
И подходит к двери.
Мрак загадочно-глубок,
Близко рыщут звери.
Оглянулась – друга нет.
И забитый снегом след
Чуть заметен рядом.
Вот вошла она в юрту,
Озирая темноту
Любопытным взглядом.

Посредине камелёк
Гаснет, догорает...
На полу лежит дружок,
Стонет... умирает...
Запеклись его уста,
Окружила чернота
Бархатные брови.
Грудь колеблет тихий стон...
«Милый, ты ли?» Вздогнул он
При знакомом слове.

Приоткрыл глаза, узнал,
Протянул к ней руки
И протяжно застонал
От глубокой муки.
Приподняться захотел...
И упал... Едва белел
Лик его туманный...
Вот её за руку взял,
Тихо жаловаться стал
Он перед Светланой.

Он сказал, что много дней
И ночей суровых
Тосковал он здесь по ней
В неисходных думах.
Как её он призывал,
Как томился и рыдал
В ожиданье встречи.
Всюду думал лишь о ней
И во сне шептал он ей
Ласковые речи.

